

A comic book style illustration. A woman with long, dark, wavy hair and a serious expression stands in the foreground, holding a large black frying pan over her shoulder. She is wearing a blue t-shirt. In the background, a man in a white t-shirt and dark pants is crouching on a wooden floor, packing a large blue duffel bag. A crumpled yellow cloth lies on the floor near him. The scene is set in a room with orange walls and a doorway visible on the left.

ЕЛИЗАВЕТА МЕЛЬНИК

ЧЕРНЫЙ ПОЛОВНИК,
или КАК УЙТИ КРАСИВО

Елизавета Мельник
Черный половник,
или Как уйти красиво
Серия «МИСТИКА и
ВОЛШЕБСТВО», книга 4

*<https://litres.ru/73757251>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Роман решил уйти эффектно: две сумки, громкие слова о "росте над собой" и пафосное прощание. Но он не учел одного – Лариса уже три месяца вела свой собственный подсчет. Когда в дело вступает некрасивый плач, старый шкаф и обычный кухонный половник, драма превращается в фарс.

История о том, что за женскими слезами не всегда стоит страдание, а за закрытой дверью иногда пахнет не одиночеством, а свежим малиновым пирогом

Содержание

Черный половник	4
Синий фикус	10
Пьеро не плачь!	15
Оля, Шарик и антенна	20
Желтый чемодан	26
К	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елизавета Мельник

Черный половник, или Как уйти красиво

Черный половник

Лариса готовила ужин. Пришёл муж с работы, крикнула ему из кухни «иди ужинать, всё готово». Но он не шёл – вошёл в прихожей. Что-то с шумом упало, покатилося с грохотом. Лариса пошла посмотреть, что происходит. В руке у неё был большой черный половник. А Роман складывал свои вещи в две большие сумки.

Лариса растерянно захлопала глазами и спросила:

– Ром, ты что делаешь?

– Лар, давай только вот не надо. Хорошо?

– Что не надо?

– А ничего уже не надо! - закричал Роман. – Ухожу от тебя. Навсегда!

Лариса испуганно поежилась, переступила с ноги на ногу. Не нашла, что сказать и.... зарыдала. Громко и некрасиво.

Роман не ожидал такой реакции, резко отшатнулся, как будто на него подул сильный ветер и завалился в шкаф. Сверху посыпались вещи - его же летние кеды и насадка от пылесоса.

Лариса перестала рыдать и протянула руку, забыв, что в

руке держит половник. Роман решил, что Лариса хочет прибить его половником. И глазами показывал, мол, не надо, не надо!

Лариса кое-как поняла, чего испугался Роман, и бросила половник в сторону. Еще раз протянула руку мужу. Роман недоверчиво взялся за «руку помощи» и встал

В следующую секунду Лариса притянула Романа к себе и крепко-крепко обняла, сильно прижимая к себе. Слезы полились на плечи мужа с новой силой

Роман растерялся и не знал, что делать и как высвободиться из объятий.

– Ну что ты, не плачь. Пойми меня правильно, дело не в тебе, а во мне. Мне нужно расти над собой! Понимаешь?

Лариса отлипла от него на мгновение, посмотрела в глаза, кивнула и снова обняла

– Ну, Лариса, хватит уже!

– Да, Ром, да. Я не поэтому плачу!

– Не понял, а почему ты тогда плачешь?

– Мне тебя жаль! Очень, очень жаль!

С этими словами она отодвинулась от мужа, провела руками снизу вверх, резко выдохнула и выдавала:

– А теперь иди, не стой тут. У меня дел много.

Роман посмотрел на Ларису, как будто хотел сказать «да ну тебя, ненормальная», но говорить не стал и молча запихнул в сумку зимние ботинки

– Иди уже...

Лариса открыла дверь и вытолкнула ошарашенного Романа из дома

Изменения в поведении мужа Лариса заметила месяца три назад. Он стал каким-то холодным и отстраненным. И с каждым днем холод становился больше и объемнее. Лариса стала более внимательно смотреть на мужа; присматриваться, пытаюсь увидеть то, что она упустила из виду. Что-то менять в их привычной жизни и в своем поведении не было смысла. Это было бы неестественно и неправильно. Так она решила. Лариса вела себя так же, как всегда и просто наблюдала. Через месяц наблюдений она поняла, что «лечить тут нечего». И приняла решение. Несмотря на то, что Лариса гуманитарий, она не была слишком возвышенной и от реальности не отрывалась. Нормальная женщина 35 лет, с нормальным чувством юмора и реальным отношением к жизни. Неплохая, даже хорошая хозяйка, зарабатывает больше мужа, с которым прожили не так-то и долго, четыре года.

За эти три месяца она всё привела в порядок: общие дела, платежи и прочее. Некоторые планы пришлось перепланировать. Убрать лишнее звено, добавить недостающее. Так, чтобы за Романом ничего не числилось. Он ей ничего не должен. И она ему тоже ничего материального не должна. Что особенно облегчило ситуацию – это то, что они не успели расписаться, а только планировали подать заявление весной

будущего года. Такой примерный план был по договоренности. Поэтому многих неприятных моментов, разговоров удалось избежать.

После этого она стала ждать. В любом сюжете есть кульминация. Вот его-то Лариса и ждала.

Зная характер Романа, она думала, что всё будет прозаично и без скандала. Роман, как большинство мужчин, ненавидел слезы. В такие моменты он не знал, что делать. Это чувство бессилия его сильно раздражало, угнетало.

Лариса применила именно этот подход, хотя ум её оставался ясным и никаких слез, желания рыдать у неё не было. За три месяца все слезы выплакала, теперь не осталось даже капельки. Но точку ставить нужно. И точка должна быть не только эффектной, но и наполненной смыслом. Смысл, который не оставит места для шага назад. Точка невозврата.

– Ненормальная! – крикнул на прощание Роман из-за закрытой двери

– Да иди уже, – сказала Лариса, глядя в глазок. А потом развернулась на пятке и пошла доставать из духовки пирог с малиной. Упоительный аромат малины, тепла и лета разливался по всей квартире, заполняя ту пустоту, которую оставил после себя Роман

Синий фикус

Артем всегда уходил «красиво». Это был его пунктик – эстетика момента. Он репетировал эту сцену в голове три дня, подбирая идеальное сочетание слов о «выгорании чувств» и «поиске истинного пути». На нем был кашемировый свитер цвета грозового неба, который, по его мнению, подчеркивал трагизм взгляда.

– Инна, – произнес он, стоя в центре гостиной, – я долго думал. Мы стали... статичными. Как мебель. Я забираю фикус и ухожу. Мне нужно пространство для маневра.

Инна в этот момент сидела на полу и сосредоточенно пыталась собрать из трех сломанных фенов один работающий. Вокруг нее живописным ковром лежали гайки, обрывки проводов и пластиковые корпуса. В руках она сжимала паяльник, от которого шел тонкий, едва заметный сизый дымок.

– Какой фикус? – не оборачиваясь, спросила она. – Тот, что в синем горшке? Он тяжелый, пуп развяжется.

– Это символ моей новой жизни! – Артем подошел к огромному растению в углу. – Он тянется к свету, как и я.

Он обхватил кадку. Инна наконец повернулась. На щеке у нее было пятно от канифоли, а волосы были завязаны в тугой узел обычным куском медной проволоки.

– Артем, подожди. Прежде чем ты «рванешь к свету», проверь левый карман куртки. Там квитанция из химчистки.

Забери мое пальто, раз уж всё равно мимо пойдешь к своей... как ее... Свете? К свету же?

Артем замер, напружинив мышцы у кадки с фикусом. Пауза затянулась. Воздух в комнате стал густым и липким.

– При чем тут химчистка?! – взорвался он. – Я объявляю о разрыве! Я уйду навсегда! А ты мне про пальто? Ты вообще меня слышишь?

– Слышу, – Инна спокойно положила паяльник на подставку. – Еще три месяца назад услышала. Когда ты в ванной заперся и шепотом обсуждал с кем-то «невыносимую тяжесть бытия» и «ее приземленность». Очень громко шептал, Артем. У нас в ванной вентиляция общая с кухней.

Артем дернул кадку вверх. Фикус, словно предчувствуя беду, зацепился веткой за штору. Раздался треск. Штора плавно, как знамя поверженной армии, сползла вниз, накрыв Артема вместе с деревом. Из-под ткани донеслось глухое чертыхание.

Инна вздохнула и подошла к этому шевелящемуся холму.

– Помочь? – ласково спросила она. – Или ты там планируешь основать суверенное государство под занавеской?

Она ловко высвободила ветку, и Артем вынырнул из-под ткани – взъерошенный, с листком фикуса в волосах. Весь его пафос о «маневрах» испарился. Теперь он выглядел как человек, который проиграл битву с комнатным растением.

– Ты знала три месяца... – прохрипел он. – И всё это время жарила мне котлеты?

– Котлеты были из индейки, Артем. Для печени полезно, – Инна вернулась к деталям фена. – Я просто ждала, когда ты созреешь. Знаешь, расставание – это как ремонт. Нельзя просто снести стену, нужно сначала понять, не несущая ли

она. Я три месяца «простукивала» нашу жизнь.

Она выдержала паузу, методично вкручивая крошечный болтик.

– Выяснилось, что всё держится на честном слове. Твоём слове. Которое, как выяснилось, весит меньше этого фикуса. Так что я подготовилась. Машину я перегнала в гараж к родителям. Она же на мою маму оформлена, помнишь?

Артем сел прямо на кадку.

– А квартира?

– А квартира съёмная, – Инна лучезарно улыбнулась. – И договор истекает сегодня в полночь. Я свой залог уже забрала и сняла студию на другом конце города. Маленькую, уютную, без места для фикусов и лишних людей. Твои вещи уже в багажнике твоего такси. Оно у подъезда.

Артем посмотрел в окно. Там действительно мигал жёлтый огонек.

– Ты... ты чудовище, Инна. Хладнокровное, техническое чудовище.

– Я просто инженер, Артем. Я чиню то, что можно починить. А то, что сгорело, я сдаю в утиль. Иди. Такси тикает, а время – деньги. Особенно мои деньги, которые ты три года «инвестировал» в свои поиски себя.

Артем встал, попытался поправить свитер, но тот зацепился за пуговицу и растянулся. Он подхватил несчастный фикус, который теперь казался ему непосильной ношей, и поплелся к двери.

– Пальто из химчистки не забудь! – крикнула она вслед. – Оно мне в новой жизни пригодится.

Дверь захлопнулась. Инна дождалась, пока стихнут шаги, и наконец щелкнула выключателем собранного фена. Тот загудел – мощно, ровно, надежно. Она подставила лицо под струю теплого воздуха, зажмурилась и рассмеялась.

На кухне в духовке доходил яблочный штрудель с корицей. Аромат был такой густой, что казалось, его можно резать ножом. Инна достала телефон и набрала номер:

– Привет, мам. Всё. Объект эвакуирован. Квартиру сдала клинингу. Завтра вылетаю. Да, с феном всё в порядке, работает как новенький.

Она откусила кусок горячего штруделя, глядя на пустое место, где раньше стоял фикус. Там было много света. Действительно, очень много свободного, чистого света.

Пьеро не плачь!

Илья провернул ключ в замке максимально тихо. Он высчитал всё: Лера на совещании до трех, потом отчеты, потом предпраздничный девичник с коллегами. У него было ровно три часа, чтобы собрать жизнь в два чемодана и исчезнуть, оставив на кухонном столе записку о «непреодолимых разногласиях» и «необходимости побыть одному».

Он шагнул в прихожую, уже представляя, как быстро скидает свитера в сумку, но замер. Из кухни доносилось бодрое шипение сковороды и ритмичный стук ножа по доске.

Илья осторожно заглянул в проем. Лера, в домашнем фартуке поверх офисной блузки, остервенело крошила гору лука. На плите уже что-то булькало, распространяя аромат праздничного жаркого.

– Лера? – севшим голосом произнес он.

Она обернулась. Илья почувствовал, как внутри всё сжалось. По щекам Леры текли слезы, оставляя на лице угольно-черные борозды от поплывшей туши. Она выглядела как Пьеро, переживший ядерную зиму.

– Илья? – она шмыгнула носом, не выпуская ножа из рук.
– А ты чего так рано? Ой...

Она вытерла лицо тыльной стороной ладони, размазывая тушь еще сильнее. Теперь она напоминала енота-партизана.

– Я... я просто зашел... – Илья смотрел на её «заплакан-

ное» лицо, и его решимость начала таять.

«Господи, – подумал он, – она же всё знает. Она плачет, она готовит этот дурацкий ужин, чтобы меня удержать. Она страдает, а я, как последний подлец, хотел сбежать через черный ход». В этот миг ему стало так жаль её, так нестерпимо стыдно, что он почти решился подойти, обнять и сказать, что никуда не уйдет. Что фикус (или что там у них было) останется на месте.

– Лер, ты это... не плачь, – он сделал шаг вперед, протягивая руку. – Послушай, я, наверное, дурак...

Лера замерла, глядя на его протянутую руку, а потом перевела взгляд на гору лука на доске.

– Илья, ты о чем? Я не плачу. Я лук жарю. У меня глаза щиплет так, что я белый свет не вижу.

Она сделала шаг к нему, и тут Илья заметил то, чего не должен был видеть. В коридоре, за дверью комнаты, стояли

ее собственные сумки. Четыре аккуратных кофра, обмотанных пленкой.

– Подожди, – Илья осекся. – А это что?

– Это? – Лера наконец заметила, что тушь превратила её в персонажа фильма ужасов. – Это мои вещи. Я завтра утром улетаю. Решила, что 8 марта – отличный день, чтобы начать жизнь без твоего вечного «я не знаю, чего хочу».

Илья почувствовал, как жалость сменяется глухим раздражением.

– То есть ты... ты тоже? Я тут пришел за вещами, мучаюсь, совесть меня ест, а ты уже чемоданы запаковала?

– Ой, так ты за вещами? – Лера вдруг просияла, несмотря на черные разводы на лице. – Какое совпадение! А я боялась, что придется тебя до майских выпроваживать. Слушай, раз уж ты здесь и «мучаешься», помоги мне.

Она сунула ему в руки тяжелую кастрюлю с тем самым жарким.

– Вынеси это на балкон, пусть остынет. А потом бери свои сумки – они, кстати, уже в кладовке, я их вчера собрала, чтобы ты время не терял. Помнишь, ты жаловался, что я неорганизованная? Вот, исправляюсь.

Илья стоял с кастрюлей в руках, глядя на эту женщину с лицом енота, которая только что технично разрушила его сценарий «благородного ухода». Весь его драматизм рассыпался перед горой жареного лука.

– Иди-иди, – Лера мягко подтолкнула его к кладовке. –

Такси я тебе не вызывала, сам справишься, ты же у нас самостоятельный. И да, тушь у меня водостойкая была, представляешь? Даже лук её не взял, пришлось маслом мазать, чтобы хоть как-то смыть эту драму с лица.

Через десять минут Илья стоял на лестничной клетке с двумя чемоданами. Дверь захлопнулась с коротким, сухим щелчком.

Лера подошла к зеркалу в прихожей, взяла ватный диск с мицеллярной водой и одним движением стерла остатки «черных слез». Лицо под ними было абсолютно спокойным и сухим. Она посмотрела на часы.

– 14:15. Успеваю на маникюр.

На кухне продолжал сладко пахнуть лук, а в холодильнике ждала бутылка холодного шампанского, купленная еще неделю назад – специально для этого самого часа.

Оля, Шарик и антенна

В свой единственный за последние две недели выходной день Михаил занимался домашними делами. За этот день надо сделать все, что нужно, чтобы завтра быть полностью свободным и отдохнуть от всех забот. Вот и торопится, экономит каждую минуту, чтобы успеть больше.

А дел накопилось много. И сантехнику надо посмотреть, проверить. Антенну на крыше укрепить, труба водосточная висит на одном болту. Забор в дальнем углу надо укрепить. Покосить траву и убрать мусор. В будке Шарика надо навести порядок – почистить, обработать от насекомых и перестелить коврик. И еще много мелких, но очень важных дел.

Михаилу не по себе делается, когда в хозяйстве нет порядка. Вот и Шарик с пониманием отнесся, помогал всячески – весь день ходил за ним по пятам. Им хорошо вдвоем, Михаил то и дело старался погладить Шарика. Или скажет что-то хорошее, или помощи попросит: «друг, подсоби, помоги!» и Шарик помогал. Стоял рядом и внимательно смотрел на Михаила. И не мешался под ногами.

А Оля, его новая пассия, с раннего утра присылала картинки и требовала внимания. Именно с ней завтра Михаил думает провести весь день. На работе специально взял отгул, чтобы побыть вместе. Вчера вечером он Оле все объяснил, мол, занят буду весь день. Сказал, что «вечером созвоним-

ся и договоримся насчет выходного дня». Оля не возражала. Как можно? Кротко сказала, что с нетерпением будет ждать встречи

Но сегодня с самого утра Оля повела себя так, как будто забыла о договоренности. Шарик бы сказал: «как будто с цепи сорвалась», если бы умел говорить. Оля звонила каждый час, Оля написала десяток сообщений. И прислала пять голосовых.

Михаил один раз позвонил, спокойно напомнил о завтрашней встрече и, убедившись, что Оля не обижается, продолжил заниматься делами.

После обеда Оля, изнывающая от безделья, позвонила на ватсап. Михаил не мог ответить, он в это время стоял на высокой лестнице у края крыши и укреплял антенну. Звонок сильно отвлекал и Михаил пожалел, что забыл выложить телефон вниз.

После этого Оля прислала голосовое сообщение на 10 минут. Смысл послания такой:

Оле очень хочется прямо сейчас поговорить, она соскучилась безумно! А он говорит о домашних делах, о том, что совсем некогда. Неужели у него нет пяти минут для нее? Разве она многого хочет?

Врет же, просто он Олю так изощренно игнорирует. Показывает, что она зависит от него. Конечно, она слабая женщина. А он мужчина и может делать, что хочет. Хочет – пишет, хочет – звонит. А не хочет – не звонит, не пишет, просто говорит, что занят домашними делами. Какие домашние дела могут быть у одинокого мужчины? Врет, однозначно. Ну и далее то же самое по второму и третьему кругу

Оля ждала, ждала ответ от Михаила, не дождалась, ну и взяла и обиделась. Отправила Михаилу гневное сообщение, где написала всё, что она о нем думает. И что между ними все кончено. Вот так, Михаил. Знай теперь, как обманывать и игнорировать Олю!

Михаил закончил дела, помыл руки и взял телефон, чтобы прочитать сообщения. Чем больше он читал, тем круглее становились его глаза. От изумления, надо полагать

– Мне бы столько фантазии и воображения! – присвистнул он. – Такой шквал эмоций! Какая энергичная женщина! Эту бы энергию да в мирное русло! Она же практически маленькая электростанция!

Когда дочитал, минут пять приходил в себя. Размышлял и думал:

«Какая умная женщина! Сама создала проблему, сама обиделась и сама же решила проблему! Замечательная женщина!» И сделал выводы

– Шарик, одобряешь мое решение? – Михаил серьезно посмотрел на собаку.

А Шарик так вилял хвостом, так вилял, что сразу было понятно – одобряю, одобряю! Мне тут этого электровеника только не хватало! Ну ее!

– Ну, раз ты одобряешь, пойдём-ка мы с тобой ужинать. Пора подкрепиться! Неси свою тарелку быстрее!

А когда они вдвоем после ужина сидели на крыльце, Михаил сказал:

– Все-таки, Шарик, ты понял, какая это женщина? Какая женщина! Как же мне с ней повезло! Она легко и непринуждённо избавила меня от себя! – сказал и подмигнул Шарику

А Шарик молча восхитился проницательностью своего Михаила и прижался к нему сильнее

Желтый чемодан

Олег считал себя эстетом. Даже расставание он планировал как сцену из французского кино: дождь за окном, бежевый тренч и один-единственный дорогой кожаный чемодан.

– Пойми, Марго, – он драматично прислонился к косяку, – наши орбиты больше не пересекаются. Я задыхаюсь в этой предсказуемости. Мне нужен... воздух.

Маргарита в этот момент стояла на стремянке – она меняла лампочку в прихожей. В зубах она зажала отвертку, а на голове у неё было сооружено нечто из махрового полотенца, потому что она только что вышла из душа.

– Угу, – промычала она сквозь отвертку. – Колесико почини.

– Какое колесико? – сбился с тона Олег.

– У чемодана твоего. Левое заднее. Оно заедает, ты будешь хромать на всю улицу. Неэстетично.

Олег раздраженно дернул чемодан, тот действительно вильнул в сторону и с грохотом врезался в стойку с обувью. Сверху на идеальный тренч Олега посыпались грязные резиновые сапоги для дачи.

– Черт! – вскрикнул «герой», пытаясь отряхнуться.

– Не дергайся, хуже будет, – Маргарита слезла со стремянки, вытащила отвертку изо рта и подошла к нему. – Дай посмотрю.

Она присела перед чемоданом. Олег смотрел на её тюрбан из полотенца и чувствовал, как его великое «прощай» превращается в ремонтную мастерскую. Маргарита ковырнула колесико отверткой, что-то хрустнуло, и оттуда вылетела застрявшая детская деталь от легио.

– Всё, лети, птица вольная, – сказала она, поднимаясь.

Олег посмотрел на неё с подозрением.

– И это всё? Никаких вопросов? Никаких «почему она»?

– Олег, – Маргарита мягко коснулась его щеки рукой, на которой еще осталась пыль от лампочки, – я еще полгода назад поняла, что ты «задыхаешься». Когда ты пароль на телефоне сменил на дату её рождения. Очень предсказуемо для эстета, кстати.

Олег замер. Лицо его пошло пятнами.

– Ты знала? И молчала?

– Я не молчала, я готовилась, – улыбнулась она. – Ты же любишь красоту? Вот и я решила, что наш разрыв должен быть чистым. Я переоформила аренду квартиры на себя, твой абонемент в зал аннулировала (деньги уже на моей карте, это за лампочки), а твои редкие виниловые пластинки...

Олег побледнел.

– Что с вином?!

– Продала. Коллекционеру из Самары. Вчера уехали курьерской службой. Сумма как раз покрыла мой отпуск в Черногории. Ты же хотел, чтобы я развивалась? Вот, еду дышать морем.

Олег открыл рот, чтобы что-то крикнуть, но Маргарита ловко надела на него его же шляпу, которая висела на вешалке, и придвинула чемодан к его ногам.

– Иди, Олег. Воздух ждет. Колесико теперь смазано, дойдешь красиво.

Она мягко выставила его за дверь и повернула замок. Сняла полотенце с головы, тряхнула волосами и пошла на кухню. Там, на столе, уже лежал распечатанный билет в Будву на завтрашнее утро.

Маргарита взяла ту самую отвертку, которой чинила чемодан, и аккуратно вскрыла баночку с дорогой икрой.

– Воздух, – усмехнулась она, – это действительно очень важно.

K

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.